

ТРАГЕДИЯ У. ШЕКСПИРА «ГАМЛЕТ» В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ А. А. ФЕТА И И. С. ТУРГЕНЕВА

На протяжении всей жизни А. А. Фета и И. С. Тургенева творчество У. Шекспира находилось в центре их усиленного интереса. Наследие английского драматурга имело для поэта и писателя значение исключительное, связанное с осмыслением действительного мира и пониманием законов словесного искусства.

В диалоге двух русских художников Шекспир явился предметом оживленных эстетических бесед и споров. Важно, что Фет и Тургенев в разное время с большим или меньшим успехом примеряли на себя роль переводчика Шекспира. А в отношениях же друг к другу в этом плане у них сложились совершенно определенные позиции: первый был «практиком» перевода, а второй — «теоретиком». Тургенев благословил Фета «на борьбу с Шекспиром» и помогал ему осваивать саму форму и содержание шекспировского стиха.

Индивидуальное отражение Шекспир нашел также в их собственном поэтическом и прозаическом творчестве. Очевидное преимущество здесь было отдано трагедии «Гамлет» и ее центральным образам, получившим объемное выражение.

История датского принца была прочитана ими в равной степени актуальности, но приобрела явно отличную интерпретацию. Если для Фета трагедия шекспировского героя заключалась в глубине внутренних страданий, возникших по причине непосильных тягот судьбы, то Тургенев, хорошо знакомый с воззрениями поэта, видел основу трагедии

в нравственно-психологическом противоречии. При этом концепции обоих художников вырастали из единого источника — трактовки образа Гамлета, предложенной И.-В. Гёте. Но в то время как Фет ориентировался на романтическое понимание, Тургенев шел к более усложненному представлению.

Одним из главных проявлений страдательной природы Гамлета для поэта была трагическая судьба Офелии. Придавая ей общечеловеческое значение, Фет опозитивизировал ее в нескольких стихотворениях, которые в разном составе и в разное время объединялись им в цикл «К Офелии» (от 1842 года к 1863 году). Невеста Гамлета предстает в его восприятии в облике нежной любящей души, которая вынуждена пострадать и преждевременно погибнуть. Здесь совершенно очевидно авторское стремление к идеализации образа.

Изображение фетовской Офелии в 1840-е годы было живо воспринято Тургеневым: интонации его лирической героини писатель вложил в образ своей Софьи из рассказа «Гамлет Щигровского уезда» (1849). Вступая в диалог с поэтом, он придает краткой жизненной истории деревенской девушки загадочно-меланхолические свойства. Описание ее судьбы выполнено в ощутимой элегической тональности и с неуклонным, нарастающим движением в сторону драматизма. Но образ тургеневской «Офелии», напрямую связанный с характеристикой главного героя, лишен романтической односторонности. Писатель в соответствии с законом шекспировской амбивалентности придает ему вместе с возвышенными чертами также и обыкновенно-прозаические, и даже иронические, что, однако, не нарушает его лирической цельности. Тургенев разделяет позицию Фета в придании образу общечеловеческого смысла, который достигается в драматическом ключе не только за счет элегизма звучания, но и с помощью природного текста поэтико-философского содержания.